Русская мысль - Париж

ысль» — №4201 — 11—17 декабря 1997 — 15

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Война у Вергилия страшнее, чем у Гомера...»

В XIX веке переводы с греческого и латинского языков делались поэтами — гомеровские поэмы переводили Гнедич и Жуковский, Горация, Катулла и Овидия — Фет, Анакреонта — Мей. В XX веке ситуация изменилась, переводить античных авторов стали филологи, поскольку поэты нашего столетия древних языков просто не знают. Это привело к тому, что переводы стали очень точными, но во многом утратили яркость — если можно так выразиться, из цветных превратились в черно-белые. Эти переводы крайне трудны для чтения именно в силу своей научности. Казалось, что вернуть переводам греческих поэтов присущий им в оригинале полихромный характер может только какой-нибудь поэт, который взялся бы, пусть даже при помощи подстрочника, за Алкея или Горация.

И вот такой поэт нашелся, но им почему-то оказался самый сухой из всех филологов наших дней, человек с чрезвычайно жесткими требованиями к формальной точности перевода и крайне резкий оппонент любых поэтических вольностей. Это парадоксально, но именно он сумел внести в искусство перевода настоящую поэзию и вообще поднять его на принципиально новый уровень. Пиндар, Вакхилид, ваганты и их современники, Гораций (его сложнейший для перевода трактат в стихах "De arte poetica"), Овидий (поэма которого "Ars amandi" вообще считалась непереводимой), труднейший, как всякий представитель декаданса, Авсоний, живший в IV веке и сочетавший великолепный интеллектуализм с непрекращающейся словесной игрой, и другие древние поэты наконец великолепно зазвучали по-русски.

Формализм Гаспарова, его стремление к превращению перевода в точнейшую кальку оригинала привело к неожиданным результатам: переводы, которые, казалось бы, должны были пре-

Михаил Гаспаров.

взойти своей сухостью все, что в этом плане было сделано раньше, оказались не только читаемыми; они показали, что стихи античных авторов могут восприниматься нами не только в качестве памятников, к которым обращаются, чтобы повысить свой "культурный уровень", или во время обучения на филологическом факультете, а просто читаться — как Ахматова, Мандельштам или Пастернак.

Гаспаров опубликовал большинство своих переводов и написал книгу "Современный русский стих: метрика и ритмика". Книга вышла в 1974 году, в то время, когда никто, включая, разумеется, и его самого, еще не пользовался персональными компьютерами. У читателя, однако, создается полное впечатление того, что книга написана при помощи ЭВМ — все основано здесь на точнейших и чрезвычайно громоздких подсчетах и на предельно математизированном анализе, без каких бы то ни было эмоций.

В изданном "Новым литературным обозрением" сборнике избранных статей Михаила Гаспарова, удостоенном на днях "малой" Букеровской премии, собраны его работы, написанные на протяжении последних 25 лет, которые разбиты на три группы.

Первую группу составляют статьи **о стихе**. Специалиста они захватывают, как детективный роман, настолько неожиданны и при этом безупречно обоснованы выводы.

Вторую группу статей составляют работы **о стихах**. "Когда волнуется желтеющая нива" Лермонтова сопоставляется с ламартиновским "Quand le souffle divin qui flotte sur le monde". Было ли навеяно лермонтовское стихотворение этими стихами Ламартина, спрашивает Гаспаров и решает этот вопрос не обычным в таких случаях поиском параллелей на лексическом уровне, но анализируя структуру лермонтовских образов. В результате оказывается, что это стихотворение, одно из наиболее глубоких философских произведений нашего поэта, действительно заимствовано из Ламартина.

Чтение небольшой статьи "Фет безглагольный" дает читателю возможность пережить радость прикосновения к реальности того мира, который вмещен поэтом внутрь своего стихотворения.

В третью группу опубликованных в сборнике статей входят тексты **о поэтах**. Тут Гаспаров, как всегда, выступает в роли первооткрывателя в, на первый взгляд, давно освоенном жанре. К вышедшим в 70-80-е годы текстам римских поэтов (Катулла, Вергилия, Горация и Овидия) он пишет вступительные статьи. Верный своим принципам, Гаспаров старается быть максимально бесстрастным и основывается не только на своих собственных наблюдениях, но и на новейших исследованиях западных ученых. Так, в примечаниях к статье о Вергилии автор с обезоруживающей честностью (читая это место, вижу Гаспарова: чуть сгорбленного, с беспомощной улыбкой) признается, что никогда не занимался этим поэтом специально и поэтому намеревался ограничиться лишь обобщением взглядов на него современных исследователей. Но получился цельный и абсолютно самостоятельный очерк. Гаспаров называет Вергилия поэтом будущего и раскрывает это, в частности, в следующих словах: "Война у Вергилия страшнее, чем у Гомера. Она почти гражданская: ведь сражаются народы, которые уже вступили в союз и вскоре сольются воедино. В ней гибнут самые молодые и цветущие... в ней Эней встречается, можно сказать, с самим собой". Гаспаров говорит о том, что соперник Энея Турн, в сущности, является его двойником — но, наверное, это типично для всякой войны без какого бы то ни было исключения.

В вышедшем недавно в издательстве "Языки русской культуры" двухтомнике своих избранных трудов Гаспаров каждую статью снабдил кратким постскриптумом, где сумел сделать предельно краткие, но существенные дополнения к появившимся в советские времена текстам. Жанровую природу этих постскриптумов определить трудно: то ли краткие воспоминания или записки о минувшем и ушедших (в конце статьи о Пиндаре Гаспаров говорит, что хотел бы, чтобы эта работа стала заменой той книге, которую так и не успела написать Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек), то ли примечания, то ли авторецензии — не знаю. Но это что-то по-настоящему важное для сегодняшней науки и просто для человека сегодня. Как всегда сухой до невозможного, Гаспаров оказывается и пламенным, и до предела актуальным.

В постскриптуме статьи об Овидии, напечатанной впервые в журнале "Вестник древней истории" (1977, №1) Гаспаров пишет: «Там были процитированы слова С.Л.Утченко о том, что империя Августа — "первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии". Цензура их вычеркнула, хотя в 1960-е годы они дважды были напечатаны в книгах самого Утченко. "Как вы думаете, какое слово их смутило?" — спросил меня коллега по "Вестнику". "Лицемерие?" — предположил я. "Нет: "первый в истории"».

В последние годы Гаспаров выпустил четыре тома избранных трудов. Но подводить итоги ему пока рано. От Гаспарова мы ждем сегодня не "Избранного", а новых работ и новых переводов.

Свящ. ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

Москва